чаются и весьма сложные образы, граничащие с символами. В качестве критерия интерпретации пословиц может рассматриваться процедура объяснения смысла пословицы путем подсчета опосредующих фраз. На основе критерия интерпретативной глубины паремиологические высказывания распадаются на 4 класса: 1) пословицы без переносного смысла; 2) паремии, истолкование которых требует разъяснения всего текста высказывания; 3) пословицы, в составе которых одна часть имеет буквальное прочтение, а другая требует интерпретации; 4) паремии, в составе которых одна часть является интенсификатором при интерпретации другой. Таким образом, логическая интерпретация паремиологических единиц связана с интерпретативной глубиной аллегорических высказываний.

Литература

1. Богин Г.И. Типология понимания текста : учеб. пособие. Калинин : Изд-во Калин. ун-та, 1986.
2. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. М. : Рус. яз., 1998.
3. Иванова Е.Б. Пословичные картины мира (на материале английских и русских пословиц). СПб. : СПбГУ, 2002.
4. Карасик В.И. Языковая кристаллизация смысла. Волгоград : Парадигма, 2010.
5. Кузнецов В.Г. Герменевтика и гуманитарное познание. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1991.
6. Москвин В.П. Стилистика русского языка: приемы и средства выразительной и образной речи (общая классификация). Волгоград : Перемена, 2005.
7. Потебня А.А. Теоретическая поэтика. М., 2003.
8. Растье Ф. Интерпретирующая семантика. Ниж. Новгород : Деком, 2001.

Interpretative depth of meaning of allegoric expressions in paremiology

There is defined the interpretative depth of the meaning of allegoric expressions in paremiology, marked out the main varieties of the logic type of interpretations of paremies. There is suggested the notion of the macrofield "Person", which is performed by a considerable number of paremies, as a whole forming the "allegoric portrait" of a person.

Key words: *allegory, interpretation, proverbs, paremiology, linguistic culture.*

А.С. ПРИГАРИНА
(Волгоград)

ПУТИ РЕАЛИЗАЦИИ ИСПОВЕДАЛЬНОЙ ИНТЕНЦИИ В ЖАНРЕ ДНЕВНИКА

Рассматриваются особенности реализации исповедальной интенции в жанре дневников, который классифицируется как исповедь-констатация. Выделяется ряд характерных типов подобной исповеди с позиций субъектной направленности, общей эмоциональной направленности, достижения желаемой цели, а также общей временной направленности.

Ключевые слова: *дневник, исповедь, исповедальная интенция, литературный жанр, способы реализации.*

Покаяние представляет собой таинство, в ходе которого христианин, раскаиваясь в своих грехах и исповедуя их перед священником, получает через него (как медиума) от Бога прощение и разрешение грехов. Из данного определения следует, что покаяние, раскаяние и исповедь неразрывно связаны друг с другом и представляют собой звенья одной цепи. Для совершения религиозного таинства необходимы все три составляющие (покаяние, раскаяние и непосредственно исповедь), также как и присутствие священника, наделенного правом прощать грехи от имени Бога. В теологии раскаяние в грехах и покаяние должны предшествовать и предшествуют самому таинству исповеди, выступая в качестве его составных частей: «Покаяние – это, прежде всего, внутреннее действие, внутренняя работа, которая в конечном итоге приводит человека к таинству. И для того чтобы таинством, так скажем, правильно воспользоваться, получить от него то, что хочет нам дать Церковь, мы с вами должны понять, что такое собственно покаяние как внутреннее движение человеческой души» [1, с. 124]. Покаяние представляет собой внутреннее усилие, психологическое состояние человека, тогда как исповедь есть вербализация покаянных чувств и устремлений.

Если в религии понятия «исповедь» и «покаяние» являются частью целого и во многих случаях могут употребляться синонимично, то в художественной литературе (нерелигиозной направленности) могут расходиться до антонимического противостояния, когда исповедь героя лишена каких-либо призна-

© Пригарина А.С., 2012

ков покаяния и представляет собой исповедание собственного мировосприятия либо показывает внутренний мир героя, тем самым помогая раскрыть глубину человеческой греховности. Генерируемая из религиозной сферы исповедальная интенция находит реализацию в ряде литературных жанров. Дневник является «литературно-бытовым жанром, в котором повествование ведется от первого лица в виде повседневных или периодических записей о событиях текущей жизни (личной, общественной, литературной)» [4, с. 149]. Интерес к исследованию жанра дневника обусловлен тем, что именно личные дневники считаются самыми откровенными, правдоподобными и искренними произведениями, что заведомо предопределяет наличие в данном жанре признаков исповедальности. Специфика исповедальной интенции, имеющей место в жанре литературного дневника, позволяет, на наш взгляд, классифицировать дневник как *исповедь-констатацию*. В текстах дневников мы действительно находим не покаяние в прямом смысле слова, а изложение автором своих «хороших» и «плохих» поступков. Именно при констатации своих отрицательных поступков, действий, мыслей автор может выражать сожаление об определенных моментах своей прошлой жизни и эксплицитно или имплицитно каяться в содеянном. Если принять во внимание разные основания, представляется возможным выделить ряд характерных типов исповеди-констатации. Так, с точки зрения субъективной направленности, можно выделить моменты исповеди-констатации, в которых автор критикует а) самого себя (*Боже, какой же я иногда бываю глупой*! [2, с. 13]); б) другого/других (*Мама ведет себя ужасно эгоистично…. от нее на работе не будет толку* [6, с. 12]); в) сложившуюся ситуацию или ее отдельные моменты (*В морозилке пусто, в кладовке – шаром покати, в хлебнице – засохшая низкокалорийная булка. Не понимаю, куда родители девают деньги…*» (Там же, с. 56)).

Образцы реализации исповедальной интенции в текстах дневников могут также различаться с точки зрения их общей эмоциональной направленности. Нам представляется возможным выделить случаи а) нейтральной (с эмоциональной точки зрения) констатации (*Я лгал. Но мне хотелось его побесить. У меня врожденная страсть противоречить; целая моя жизнь была только цепь грустных и неудачных противоречий сердцу или рассудку. Присутствие энтузиаста обдает меня крещенским холодом, и, я думаю, частые сношения с вялым флегматиком сделали бы из меня страстного мечтателя. Признаюсь еще, чувство неприятное, но знакомое пробежало слегка в это мгновение по моему сердцу: это чувство было зависть; я говорю смело «зависть», потому, что привык себе во всем признаваться*…[3, с. 241]); б) эмоциональной констатации (*И вдруг я почувствовал себя дико счастливым! Не иначе как то была Божья благодать….!*[6, с. 56]).

Кроме того, в рамках эмоциональной констатации нами выделены а) эмоциональная констатация с положительным вектором направленности (*Высшая оценка за контрольную по географии! Да, я горжусь тем, что получил двадцать баллов из двадцати возможных! Меня еще и за аккуратность похвалили* (Там же, с. 44)); б) эмоциональная констатация с отрицательным вектором направленности, когда происходящие события или факты оцениваются автором негативно (*Сегодня ночью я ужасно себя чувствую. И я непременно должна с кем-то поделиться своими мыслями. Между мной и Стефаном происходит что-то непонятное. У него внутри таится страшная печаль, до которой я не могу добраться, и это нас разделяет. Я просто не знаю, что делать*… [5, с. 132]).

С позиции выражаемой эмоции (в рамках эмоциональной констатации) это может быть досада (*О господи! Ну зачем я это сказала? Зачем, зачем, зачем? Надо было соврать, обязательно надо было!* [2, с. 217]); сожаление (*Сожалею, что прошло столько времени, и я даже не могу толком объяснить, почему так долго не писала, скорее всего, о том, что происходит, я боюсь говорить даже с тобой* [5, с. 62]); стыд (*Я знаю, что это ужасно глупо, и я бы ни за что не призналась в этом Лилли, но втайне я вроде как мечтаю быть Бритни Спирс. Как-то раз мне даже приснилось, что я – Бритни Спирс и выступаю в актовом зале нашей школы, на мне такое маленькое розовое мини-платье, и, когда я уже собираюсь выходить на сцену, ко мне подходит Джош Рихтер и говорит, как я хорошо выгляжу. Ну разве не стыдно в этом признаться?* [2, с. 205–206]); негодование (*Она будет учить меня, как быть принцессой! Я в таком шоке, что даже писать не могу…!*(Там же, с. 103); удивление (*Застукал маму в ванной, когда она красила волосы. Полный шок! Тринадцать лет и десять месяцев я думал, что моя мать рыжая, а теперь оказалось, что волосы у нее светло-каштановые*!... [6, с. 21]); страх (*Я*

знала, что мне конец. Не может быть, чтобы Майкл не рассказал сестре об этом [2, с. 114]); отчаяние (*Папа получил письмо, от которого он весь побелел: его сократили! Теперь он безработный и будет получать пособие! Но как мы проживем на эти подачки от правительства?... Теперь я ребенок безработного отца-одиночки! Неужто социальная служба станет покупать мне ботинки? Они же такое купят!....* [6, с. 64]); осуждение (*А о чем думал сам Джош, напиваясь шампанским? Поразительная безответственность! А ведь он считается лучшим учеником…* [2, с. 259]); разочарование (*Почему такие вещи всегда происходят со мной? Почему? Единственный раз кто-то показался мне милым, разумным человеком, то есть одобрен мамой, не женат, не псих, не алкоголик, не запудриватель мозгов, и вот оказывается, что он развратник, извращенец, гомосексуалист. Неудивительно, что не хотел пускать меня в свой дом….* [7, с. 52]); грусть (*Мне стало грустно. И зачем было судьбе кинуть меня в мирный круг честных контрабандистов? Как камень, брошенный в гладкий источник, я встревожил их спокойствие и, как камень, едва сам не пошел ко дну* [3, с. 234]); обида (*Тут уж я обиделась по-настоящему. Во-первых, я вовсе не превращаюсь в Лану Уайнбергер. А во-вторых, даже если бы и превращалась, разве не сама Лилли всегда твердила, что только дураки не понимают, что гораздо важнее не то, как человек выглядит, а каков он в душе?* [2, с. 138]).

С точки зрения достижения желаемого результата (или цели) имеющая место в текстах дневников исповедальная интенция также принимает различные формы в зависимости от того, с какой целью автор раскрывает душу. Случаи подобной реализации исповедальной интенции мы разделили на следующие группы: а) констатацию-сожаление (*Наверное, Бога нет. Если бы он был, разве б позволил жлобам вроде Барри Кента притеснять интеллектуалов!...* [6, с. 29]); б) констатацию-раскаяние (*А потом мне стало совестно, потому что всего неделю назад я сама была одной из них. Я и сама считала Тину Хаким Баба странной. Я потому и не хотела, чтобы кто-то узнал, что я принцесса, что боялась, как бы ко мне не стали относиться так же, как к Тине Хаким Баба. Только теперь, познакомившись с Тиной поближе, я узнала, как я была не права, когда думала о ней плохо* [2, с. 193]); в) констатацию-обещание (*В новом году начну новую жизнь: 1. Стану переводить слепых через улицу. 2. Вешать брюки в шкаф. 3. Класть пластинки обратно в конверт. 4. Курить начинать не стану. 5. Не буду выдавливать прыщи. 6. Буду хорошо относиться к собаке. 7. И помогать бедным и необразованным. 8. А наслушавшись диких звуков, доносившихся снизу вчера вечером, клянусь никогда не пить* [6, с. 3]).

Наконец, нам представляется возможным указать еще одно основание для выделения типов исповедальной интенции в жанре дневника. Рассмотрим данные типы. 1. Исповедь-констатация с ретроспективной направленностью, когда высказывание говорящего обращено в прошлое, а современное состояние дел видится автору как результат совершенных им самим либо окружающими действий: *Да, такова была моя участь с самого детства! Все читали на моем лице признаки дурных свойств, которых не было; но их предполагали – и они родились. Я был скромен – меня обвиняли в лукавстве: я стал скрытен. Я глубоко чувствовал добро и зло; никто меня не ласкал, все оскорбляли: я стал злопамятен; я был угрюм, – другие дети веселы и болтливы; я чувствовал себя выше их, – меня ставили ниже. Я сделался завистлив. Я был готов любить весь мир, – меня никто не понял: и я выучился ненавидеть. Моя бесцветная молодость протекла в борьбе с собой и светом; лучшие мои чувства, боясь насмешки, я хоронил в глубине сердца: они там и умерли. Я говорил правду – мне не верили: я начал обманывать; узнав хорошо свет и пружины общества, я стал искусен в науке жизни и видел, как другие без искусства счастливы, пользуясь даром теми выгодами, которых я так неутомимо добивался. И тогда в груди моей родилось отчаянье, – не то отчаянье, которое лечат дулом пистолета, но холодное, бессильное отчаянье, прикрытое любезностью и добродушной улыбкой. Я сделался нравственным калекой…* [3, с. 267]. Автор констатирует черты характера, которые были сформированы в прошлом под воздействием окружающих людей. Последствия этого вызывают у героя неудовлетворение, негативное видение ситуации, а также отрицательное отношение к себе и своему характеру. К данному классу также относятся искреннее признание и выражение автором своего желания изменить текущую ситуацию, естественно, при наличии у него выбора: *Прокатился на гоночном велике Найджела. Жизнь отдам за такой! Если бы надо было выбирать между Пандорой и гоночным велосипедом, я бы выбрал велик… Прости, Пандора, но это правда!…* [6, с. 47].

2. Исповедь-констатация с проспективной направленностью, когда автор заранее пред-

видит результат своих действий, определяя их как действия отрицательные, но не имеет возможности что-либо изменить: *Наверное, мать разозлится, когда вернется домой и не найдет меня. Но, откровенно говоря, мой дорогой дневник, мне наплевать* [6, с. 34].

В текстах дневников отражены размышления автора (*Не знаю, за кого буду голосовать. Иногда мне кажется, что миссис Тэтчер – симпатичная дама. А потом, как увижу ее по телику, жуть берет. У нее глаза убийцы-маньяка, а голос добрый-предобрый…* (Там же, с. 137)), а также выводы-умозаключения (*Отсутствие пунктуальности – признак неорганизованного ума. Такие вещи не могут оставаться безнаказанными* (Там же, с. 95)).

В текстах дневников исповедальная интенция выражена преимущественно имплицитно, но иногда встречаются и случаи эксплицитной реализации, что может достигаться за счет выражения автором раскаяния в совершенных поступках и признания вины (*О боже, теперь, когда у меня есть бойфренд, я чувствую себя виноватой перед Джуд и Шерон, прямо как вероломная, хитрая, двуличная партизанка* [7, с. 11]); а также лексических средств, выражающих предельную откровенность автора: *признаюсь, честное слово, должна сообщить, откровенно говоря* и т.п.

В текстах дневников (даже людей далеких от религии) очень часто упоминается Бог, что происходит по разным причинам: а) представлено молитвенное обращение к Богу с просьбой (*Все и без того считают меня ненормальной чудачкой… Если ребята в школе узнают еще и про отношения моей матери и учителя алгебры, мне конец, просто конец! Господи, если ты существуешь, пожалуйста, сделай так, чтобы они об этом не узнали* [2, с. 3–4]); б) автор может сетовать на сложившуюся ситуацию с обращением к религиозным нормам и канонам, которые предписывают иное положение дел (*Я одного не пойму, если Бог существует, как он мог допустить такое?! Кроме шуток. Вроде считается, что Бог никогда не пошлет тебе больше, чем ты можешь вынести, но я вам точно скажу, этого мне ни за что не вынести…* (Там же, с. 103)); в) обращение к Богу может выполнять функцию восклицания, выражая предельную степень эмоциональности (*О бо-оже!.. Чувствую себя ужасно, ужасно!.. Еще раз такого ада просто не выдержу... Останусь одинокой... навсегда*! [7, с. 10]).

Способы реализации исповедальной интенции в дневниках довольно разнообразны, что связано с особенностями рассматриваемого жанра. В отличие, скажем, от автобиографии, дневник описывает сиюминутные чувства автора. Общий высокий эмоциональный фон влияет не только на построение произведения, но и на реализацию определенных внутренних интенций, присущих данному жанру. На наш взгляд, исповедальная интенция выражена в дневнике менее четко, чем, например, в автобиографии. В дневнике мы находим эмоции, а не просто анализ автором своего поведения; именно поэтому данный жанр определяется нами как исповедь-констатация – автор излагает определенные факты своей жизни, сообщает о своих мыслях, действиях, выражая при этом свое отношение к происходящему (выражая свои эмоции и давая оценки).

Исповедальная интенция в жанре дневника имеет некоторые общие черты с исповедью религиозной, но находит более разнообразные формы реализации, что связано с особенностями жанра, разными целями коммуникации, а также тем фактом, что общение протекает вне рамок религиозного института, что предполагает раскрытие души, большую откровенность, а не покаяние в истинном смысле этого слова.

Литература

1. Игумен Петр (Мещеринов). Беседы о вере и Церкви. М. : Даниловский благовестник, 2004.
2. Кэбот М. Дневники принцессы / пер. с англ. Е.К. Денякиной. М. : Пушк. б-ка: АСТ, 2005.
3. Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени // Лермонтов М.Ю. Избранное. Ставрополь: Ставроп. кн изд-во, 1976.
4. Скиргайло Т.О. Методика обучения работе над сочинениями нетрадиционных жанров. М. : Рус. слово, 2006.
5. Смит Л. Дж. Дневники вампира. Пробуждение / пер. с англ. М.К. Кондратьева. СПб. : Астрель СПб., 2009.
6. Таунсенд С. Тайный дневник Адриана Моула (начатый в возрасте тринадцати с половиной лет) / пер с англ. Е. Полецкой. М. : Фантом Пресс, 2001.
7. Филдинг Х. Бриджит Джонс. Грани разумного / пер. с англ. А.Н. Москвичева М. : Амфора, 2009.

Ways of realization of confessionary intention in the genre of a diary

There are considered the peculiarities of realization of confessionary intention in the genre of diaries, which is classified as a statement confession. There is sorted out a number of character types of such a statement confession – from the position of subject orientation, general emotional orientation, achievement of a desired goal, as well as general temporal orientation.

Key words: *diary, confession, confessionary intention, literature genre, ways of realization.*